

ПРОЛОГ

И наконец закончилась кровавая война —
о, как же сладостна победа!
Сквозь слезы радости мы смотрим на солдат,
вернувшихся домой;
Народ на улицах ликует и песни распевает.
Кричат «ура» так громко, что крики эти
заглушают духовой оркестр,
За развевающимися флагами домов не видно,
И колокольный звон заполонил все небо;
Несутся отовсюду приветственные крики
солдатам королевы,
То шествует пред нами слава державы нашей.

И вдруг накрыла все стремительная тень, быстрая
тьень и внезапная, черная и устрашающая,
Смокли колокола, и замерло эхо.
Флаги угрюмо повисли, люди как будто забыли,
что такое смех, все приуныли;
И так стояли мы, не проронив ни слова.
А небо все темнее и темнее, и вот откуда-то
из мрачных туч раздался голос —
и содрогнулись все сердца:
«Сорвите, слышите, сорвите ваши стяги
и уберитесь в черный траур;
Они идут — то Войско Мертвецов вступает
в город».

Роберт Сервис. Марш мертвецов

Человечество устало, что и говорить. Слишком много невероятных, удивительных и фантастических открытий обрушилось на него в начале двадцать пер-

вого века. Лет пять назад всеведущие журналисты раскрыли миру тайну существования так называемых Непокорных — на Западе их принято называть вампирами.

Сначала люди, конечно, перепугались — и не без основания. Одним из Непокорных оказался легендарный шоумен Уилл Коди, известный миллионам зрителей под именем Буффало Билл. Его активные контакты со средствами массовой информации, репортажи Си-эн-эн и фильмы, в которых вампиры предстают жертвами жесточайшей войны, погубившей чудесный город Венецию, в корне изменили отношение людей к этим загадочным существам. Хотя сами они по-прежнему называют себя вампирами, в беседах с представителями прессы Коди предпочитал использовать слово «тени», в точности соответствующее по значению словам «призраки» и «привидения», которыми Церковь испокон веку определяла всех сверхъестественных существ. Теперь оно считается политкорректным по отношению к вампирам.

В результате расследования, проведенного специально назначенной комиссией Организации Объединенных Наций под моим руководством и главой сообщества теней Меган Галахер, был раскрыт заговор, инспирированный Римско-католической церковью, которая вознамерилась уничтожить вампиров, а также подчинить своей власти другие сверхъестественные сущности. Как ни странно, для достижения цели церковники призвали на помощь черную магию. Все это также стало достоянием общественности. Ватикан, конечно, отверг все обвинения, свалив вину на международных террористов, а также на некую ма-

лочисленную секту, тайно существовавшую в лоне католической церкви. Но все это были лишь отговорки. После убийства Папы и страшных событий венецианского противостояния у церковников и светских властей не оставалось иного выхода, кроме как полностью игнорировать притязания Ватикана. Организация Объединенных Наций заявила о начале собственного расследования.

И тогда Ватикан запер двери на засов и все угрозы в свой адрес воспринимал лишь как пустое сотрясение воздуха. Рим это прекрасно понимал, ибо, несмотря на все подозрения и обвинения, Римско-католическая церковь по-прежнему оставалась мощной единой организацией, и любой акт насилия против нее потряс бы весь мир. А уж об использовании армии не могло быть и речи.

И все же удар был нанесен. Само собой, первыми откололись церковные организации в Соединенных Штатах. Католики США объявили себя приверженцами Американской христианской церкви и впредь вообще избегали упоминать о католицизме. Страны мира одна за другой разрывали дипломатические отношения с Ватиканом, и его оставшимся не у дел послам пришлось возвращаться восвояси. Однако Ватикан выстоял — несокрушимый и одинокий, как скала в бушующем океане. Когда наконец поднявшийся из трубы дым возвестил об избрании нового Папы, заметили его немногие. Церкви предстояло либо возродиться и, с воплями растолкав конкурентов, кое-как втиснуться в двадцать первый век, либо, оказавшись в полной изоляции, погибнуть, как когда-то исчезли с лица земли динозавры.

По всему миру возникали религиозные культы, проповедовавшие поклонение вампирам. Последователи некоторых из них действительно совершали кровавые ритуалы, создателями других стали потомки тех, кто в течение столетий добровольно посвящал свою жизнь фанатичному служению самым темным силам мира теней.

Пресса и телевидение неистовствовали.

Александра Нуэва, одна их героинь Венеции, неоднократно выступавшая в конгрессе и перед международными правительствами, возглавила комиссию по разработке системы правосудия для странствующих вампиров. Теперь все они обязаны соблюдать законы тех стран, которые выбирают для постоянного обитания. Среди членов сообщества теней немало богатых. Те же, у кого нет состояния, должны зарабатывать на жизнь честным трудом. Все без исключения обязаны платить налоги и отвечать за свои действия по закону.

На основании исследований, проведенных с разрешения фантомов, был тем не менее сделан неопровержимый вывод, что некоторые из них практически неуничтожимы и потому крайне сложно, а порой и невозможно арестовать кого-либо из членов этого сообщества без посторонней помощи. И хотя отношения между фантомами поначалу строились исключительно на взаимном доверии, существование под солнцем, в мире людей сделало необходимым введение особых законов. Сформулировать и принять их должна была Лига правосудия фантомов. Еще до гибели Венеции, когда многочисленные легенды безраздельно владели умами, вампира можно было умертвить, просто вбив ему кол в сердце. Но чем дальше

уходит в прошлое страшная катастрофа, тем неуязвимее становятся вампиры. Сегодня природу фантома наиболее точно определяет слово «бессмертный».

Все человеческие законодательства сурово карают за убийство. Но многие фантомы получили возможность существовать лишь благодаря тому, что когда-то погубили человека. К счастью, сегодня в этом уже нет необходимости. По мере того как смертные получают все более полную информацию об особенностях жизни вампиров и последствиях их укусов, число добровольцев, или новых доноров, стремительно растет. Многие мечтают ощутить прикосновение смертоносных клыков, но мало кому удастся при этом получить желанный «дар» и самим превратиться в фантомов. Конечно, кое-кто из бессмертных упорно не желает менять привычный образ жизни и предпочитает следовать многовековым традициям, но в новом столетии благодаря системе спутникового слежения и оперативности средств массовой информации этим бунтовщикам, а точнее говоря, преступникам, нарушающим закон, не избежать справедливого наказания.

Результаты нововведений, появившихся в первый год после венецианской катастрофы, сегодня очевидны для всех. За четыре года образ жизни сообщества фантомов приобрел иной характер. Ныне они существуют в тесном соседстве и взаимосвязи со смертными, а сообщения о них переместились из раздела горячих новостей на первых страницах газет и журналов в рубрику «Стиль жизни». Как говорили в дни моей молодости, фантомы стали «последним криком моды».

Как выразился однажды в разговоре со мной Уилл Коди, «человечество лишь сбавило скорость, чтобы рассмотреть подробности аварии на дороге, а потом продолжило свой путь». По правде говоря, на Капитолийском холме, как и в лабораториях на всех континентах, не прекращаются горячие споры. Люди нашли новое увлечение. Мы долго жили в ожидании некоего откровения или чуда и теперь, когда оно пришло, в нетерпеливом любопытстве, порожденном исключительно страхом, распахиваем дверь в неведомое.

А политические игры между тем продолжают.

Лазарь закончил читать и захлопнул книгу. Он только что прочел вслух отрывок из книги под названием «Священная война», написанной Эллисон Виджент, в которой она, очевидец и участник событий, рассказывает о борьбе между католическими фанатиками и вампирами, собравшимися в тот год на карнавал в Венеции. Точнее, это было послесловие доктора Джорджа Маркопулоса — человека, ставшего послом фантомов на переговорах с Организацией Объединенных Наций. По мнению Лазаря, Виджент сделала ловкий ход, включив в свою книгу размышления посла. Однако на Странника они, похоже, не произвели ни малейшего впечатления.

— Несмотря на неуверенность, отчетливо ощущаемую в его словах,— заговорил Странник, постукивая пальцами по ручке кресла,— очевидно, что Маркопулос не сомневается в нашей дальнейшей интеграции. Он убежден, что, обладая свободой в воплощении наших замыслов, мы рано или поздно сольемся с остальным миром и когда-нибудь станем, как и рань-

ше, невидимыми. В то же время, если читать между строк, он боится, что этого не произойдет и тогда в будущем окажется гораздо меньше... хм... порядка.

Я хотел бы сказать этому человеку, что все его страхи, все его кошмарные сны в один прекрасный день станут явью. Он лишь напускает на себя спокойствие, а сам не верит ни единому своему слову. Хорошо это или плохо, но времена, когда мы были невидимыми, остались в прошлом навсегда. Как бы нас ни называли, главное, что мы наконец вернулись к солнечному свету и никогда больше не сможем скрываться в тени. А если нам суждено породить хаос... Что ж, пусть будет так.

Странник, все это время говоривший словно сам с собой, неотрывно глядя в одну точку, вдруг поднял глаза на Лазаря, стоявшего в ожидании реакции собеседника на пороге кухни, которая, впрочем, была им совершенно не нужна.

— Так что же теперь? — заговорил Лазарь. — Неужели мы будем сидеть и ждать?

Странник поднялся с кресла и подошел к окну, за которым медленно опускалось в море палящее солнце Греции.

— Галахер, Коди и Нуэва, — произнес Странник, качая головой, — даже Ганнибал, хоть и шиворот-навыворот, как он всегда все делает... Несмотря на груз, который наложила на их плечи эта... интеграция, они все же не забывают наказ Октавиана и ищут ответ на его последний вопрос. «Узнайте, кто мы такие», — велел Октавиан, перед тем как войти в ворота ада.

— Он начал догадываться, — сказал Лазарь, подойдя к Страннику, стоявшему у окна.

— О да,— откликнулся тот, и уголки его губ слегка приподнялись.— Только он никогда не докопался бы до истины. Наши братья и сестры во тьме никогда не смогут раскрыть тайну своего происхождения. И даже ученые всего мира не помогут им в этом.

— Значит, ты хочешь им все рассказать?

— Только когда они будут к этому готовы, Лазарь. Только тогда.

— А чем мы займемся сейчас, друг мой? Теперь, когда мы соединились с миром и охотники больше не идут за нами по следу?

Улыбка исчезла с лица Странника. Огонь в глазах потух, сменившись холодным блеском.

— Ты ошибаешься, Лазарь. Борьба нашего народа завершится еще не скоро. Люди с готовностью раскрыли нам свои объятия, но, как только мы станем опасны для их существования, они в тот же миг чиркнут спичкой, чтобы разжечь наш погребальный костер. И поверь мне, этот день не за горами.

Странник распахнул двери на балкон, мгновенно преобразился и улетел, успев на прощание дать своему единственному другу несколько указаний, однако так и не сообщив, куда отправляется. Он исчез, а Лазарь еще долго не в силах был избавиться от навяздения и слышал плывущий в воздухе едва различимый шепот.

«Они в тот же миг чиркнут спичкой, чтобы разжечь наш погребальный костер...»

Лазарь понимал, что это может означать только одно: люди и вампиры вновь начнут охотиться друг на друга.

ГЛАВА 1

*Европейский Союз, Зальцбург, Австрия
5 июня 2000 года, понедельник,
3 часа 27 минут пополудни*

— Честно говоря, есть в этом замке что-то пугающее,— сказала Эллисон.— Смотри, он стоит там, наверху, и будто наблюдает за городом. Какой зловещий вид...

— Ну, не знаю,— ответил Уилл.— Думаю, когда его построили, всем сразу стало спокойнее. По соседству с такой огромной, неприступной крепостью люди наверняка чувствовали себя гораздо спокойнее и спали крепче.

Взявшись за руки, они прогуливались по саду дворца Мирабель в австрийском городе Зальцбурге — Эллисон Виджент, журналистка, когда-то подписывавшая свои статьи псевдонимом Трейси Сакко, и ее возлюбленный, Уилл Коди, известный миру и под множественством других имен. Он коротко подстриг свои каштановые волосы всего пару дней назад и явно еще не привык к новой прическе. Эти двое — фантом, суровый бородатый «волк», и смертная женщина, изящная блондинка с карими глазами, — были влюблены друг в друга и радовались, что впервые за целый год им наконец-то удалось на пару недель скрыться от всех в этом, пожалуй, самом романтическом городе Европы.

Лет пять назад по поручению Си-эн-эн Эллисон проводила тайное расследование, связанное с деятельностью, как предполагалось поначалу, некой жуткой секты. Но, как выяснилось, все обстояло гораздо сложнее: Непокорные оказались не просто сектой, а самими настоящими вампирами.

Нет, не какими-то там вампирами из сказок и мифов. Но именно Непокорные, которых сегодня называют просто фантомами, стали причиной распространения легенд о вампирах. Среди них, как и среди людей, встречались и настоящие злодеи, жестокие и беспощадные, и добрые, отзывчивые существа, но в большинстве своем фантомы сочетали в себе обе ипостаси. Раз в год они устраивали сборища, в которых участвовали и смертные, которые добровольно предоставляли им возможность утолить жажду крови. Сборища эти происходили то в Новом Орлеане, то в Рио, то в какой-нибудь маленькой немецкой деревушке или еще в десятках других мест, разбросанных по всему свету. Пять лет назад выбор пал на Венецию, и вот там-то католическая церковь, исконный враг вампиров, организовала против них поистине крестовый поход, превратившийся в грандиозное побоище, жертвами которого стали прежде всего жители Венеции, равно как и сам город.

Вампиры, или фантомы, как их с тех пор стали называть, вышли из этой страшной битвы победителями. Эллисон довелось стать свидетельницей Венецианской священной войны, и вместе с оператором Сандро Риччи они сумели запечатлеть на пленке события тех дней. Если бы Эллисон не встретила тогда с Уиллом Коди, дальнейшие события приняла

бы, возможно, совсем другой оборот. Случайное знакомство с Коди заставило ее полностью переменить отношение к его естеству и ко всем фантомам вообще. Впрочем, Эллисон оказалась далеко не одинока в своем мнении. Представленное всему миру интервью с Коди и Питером Октавианом, сопровождаемое документальными кадрами жуткого нападения церковников, коварно использовавших черную магию, вызвало у человечества сочувствие к фантомам.

Они оказались жертвами, козлами отпущения, существами гораздо более совершенными, чем люди, и все же удивительно похожими на них — странными, гипертрофированными подобиями смертных. Понять их природу и психологию не составляло труда — достаточно было представить и то и другое в должном свете. Само собой, Эллисон постаралась сделать все, чтобы вызвать симпатию людей к фантомам. Венецианская священная война навсегда изменила мир, а Эллисон с тех пор стала знаменитостью.

Кстати, вместе со славой пришло и богатство, что немаловажно. Помимо весьма солидного жалованья, которое выплачивали ей в Си-эн-эн, и доходов от многочисленных переизданий книги под названием «Священная война» Эллисон зарабатывала кучу денег, выполняя разовые заказы, в которых не было недостатка. Проработав почти полтора года в качестве ведущей программ Си-эн-эн, она вернулась на репортерское поприще и теперь сообщала миру о юридических, политических и социальных проблемах, с которыми сталкиваются фантомы на всех шести континентах. Должность корреспондента позволяла Эллисон свободно путешествовать по разным странам и, что бы-

ло особенно ценно, во время этих бесконечных командировок встречаться с Уиллом. До знакомства с Коди она была слишком рассудительной и чересчур серьезно относилась ко всему, что ее окружало, но благодаря ему наконец повзрослела и научилась жить легко, наслаждаясь каждым днем.

С другой стороны, Эллисон была уверена, что, познакомившись с ней, Уилл словно бы помолодел и вновь стал тем искрящимся весельем, ребячливым, благородным Уиллом Коди в зените славы, которого более чем сто лет тому назад мир знал как Буффало Билла. Казалось, он никогда не чувствует усталости, а если и нуждается в отдыхе, то в очень кратком и почти не тратит времени на сон, что весьма кстати, поскольку Коди одновременно был занят как минимум тремя важными делами. Вместе со своей сестрой по крови Александрой Нуэва и ее возлюбленной Меган Галахер он занимался поисками вампира по имени Лазарь, а также пытался приоткрыть завесу над тайной происхождения фантомов. Он был лицом и голосом своих соплеменников, выразителем их мнений и чаяний на телевидении и на страницах печатных изданий. И конечно же, никогда не забывал о собственном увлечении.

На рубеже девятнадцатого и двадцатого столетий Уилл Коди был королем сцены, много выступал и писал книги. Он создал шоу «На Диком Западе» и объездил с ним весь мир. Это было весьма далекое от реальности, но яркое зрелище, полное погонь, перестрелок и сильных чувств, которое давало людям мало-мальское представление о жизни и нравах американского Запада. Коди стоял у истоков кинематогра-

фа, на собственные деньги снял один из первых фильмов и сыграл в нем одну из ролей.

Теперь шоу «На Диком Западе» вернулось к зрителям, и Эллисон сделала о нем специальный репортаж для Си-эн-эн. А Уилл выступил продюсером и режиссером фильма по книге Эллисон «Священная война». На съемки ушло полтора месяца, еще почти столько же — на монтаж и окончательное завершение работы в Лондоне. И вот теперь наконец появилась возможность отдохнуть и провести какое-то время вдвоем, наслаждаясь обществом друг друга.

Эллисон искренне любила Уилла, считала его добрым и порядочным человеком, хотя мало кто мог бы согласиться с ее мнением. И все же, несмотря ни на что, они были абсолютно счастливы. Эллисон стала для Коди своего рода финансовым советником, в котором он очень нуждался, ибо, несмотря на то что деньги, что называется, сами шли к нему в руки, заниматься бухгалтерией он не любил. Они мечтали когда-нибудь пожениться, но, поскольку закона о подобных союзах еще не существовало, а Уилл к тому же был заметной фигурой в Лиге правосудия фантомов, приходилось ждать лучших времен. Впрочем, даже если их мечта так и останется утопией, Эллисон все равно будет чувствовать себя бесконечно счастливой.

Взявшись за руки, они гуляли по прекрасному парку дворца Мирабель, с наслаждением вдыхая не по сезону холодный, насыщенный ароматами цветов воздух. Их приводило в восторг буквально все: и планировка парка, и удивительные красочные композиции из растений, и дворец, в котором жил мэр города. Они весело смеялись, рассматривая каменные

скульптуры гномов, сидели у фонтана, бродили по дорожкам, оживленно болтали, обнимались и целовались.

Но, как и всех гостей Зальцбурга, их неизменно манила к себе огромная крепость Фестунг Гогензальцбург, возвышавшаяся на противоположном берегу реки к югу от города.

— Пожалуй, ты права, дорогая,— в конце концов сказал Коди, теснее прижимая Эллисон к себе,— при взгляде на крепость и правда мурашки по спине бегут. И все же, несмотря на устрашающий вид, от нее исходит некая притягательная сила... Я бы сказал, эта крепость воплощает собой могущество и величие.

— Ну ладно,— сдалась Эллисон.— Завтра утром первым делом отправимся туда.

— Обещаешь?

— Честное слово. Какой же ты ребенок!

— Что?! — Уилл вдруг заговорил как персонаж шоу «На Диком Западе». — Насколько я понимаю, мадам, вы только что нанесли мне оскорбление!

— Понимай как хочешь, Буффало...

— Что ты сказала?!

Но Эллисон уже со смехом бежала прочь, и Коди оставалось только броситься вдогонку.

Псевдонимом Коди по-прежнему подписывал свои книги. Как Буффало Билл выступал он и в шоу «На Диком Западе». Но Эллисон прекрасно знала, что все это лишь видимость и он терпеть не может, когда его называют так в реальной жизни.

— Берегись, сейчас ты у меня получишь! — кричал Уилл, пытаясь догнать Эллисон, которая мчалась к воротам, ведущим на Райнерштрассе.

*Европейский Союз, Зальцбург, Австрия
5 июня 2000 года, понедельник,
7 часов 26 минут вечера*

Как же все были удивлены, узнав, что на самом деле число фантомов оказалось не таким уж большим. Когда компания Си-эн-эн потрясла мир, рассказав об их существовании, многие восприняли эту новость примерно так же, как сообщения о событиях эпохи холодной войны или террористических актах, а точнее, буквально впали в ужас: «Они среди нас, они повсюду». На самом деле, по мнению Коди, число его соплеменников составляло около нескольких десятков тысяч. Не так уж много, если подумать.

Тем не менее вампиров можно было встретить в каждом большом городе, так что Эллисон и Коди ничуть не удивились, когда однажды вечером, едва выйдя из гостиницы, тут же столкнулись с одним из фантомов.

— Вы ведь Уилл Коди, если не ошибаюсь? — спросил он.

— Совершенно верно. А кто вы?

— Джон Каридж, господин Коди. Приятно познакомиться.

— Джон Каридж? — улыбнулась Эллисон. — Сразу хочется сказать: «Пинту Кариджа, пожалуйста».

— Да, мадам, так оно и есть, — ответил Каридж, улыбнувшись в ответ комически-самоуничижительной улыбкой, и вновь повернулся к Коди: — Однако это сорт пива был назван моим именем, а вовсе не наоборот. Посмотрите на меня: разве я не воплощение самой скромности?

Все добродушно рассмеялись.

— Я сейчас живу здесь, в Зальцбурге,— сообщил им Каридж.— Я музыкант, два раза в неделю играю на саксофоне в джаз-клубе «Урбаникеллер».

Почему-то на Коди это произвело сильное впечатление. «Значит, у них получилось!» — промелькнуло у него в голове. Фантомы влились в человеческое общество. Коди улыбнулся юноше, который, возможно, на самом деле был на сотни лет старше его самого.

— А сегодня вы выступаете? Во сколько?

— В десять вечера.

— Мы обязательно придем послушать,— пообещала Эллисон, угадав желание Коди.

— Для меня это большая честь, госпожа Виджент,— с искренней благодарностью отозвался Джон Каридж.

— Так вы и меня знаете? — удивилась Эллисон.

— Конечно,— кивнул Каридж.— Кстати, если вы собираетесь пообедать, позвольте дать вам неплохой совет. Загляните в «Подвальчик Петера», недалеко от Капительплац, прямо возле кладбища Святого Петра.

— А что, там действительно хорошо?

Эллисон была восхищена его любезностью, ибо понимала, что совет Кариджа обращен исключительно к ней, ведь фантомы вообще никогда не думают о еде — им она ни к чему.

— Просто великолепно! — ответил Каридж.— Кормят там — пальчики оближешь, а уж атмосфера... Знаете, это старейший ресторан в стране, ему около двенадцати веков. Если верить здешним леген-

дам, именно в этом ресторане Фауст встретил Мефистофеля.

— Что ж, звучит очень заманчиво.

Эллисон и в самом деле прониклась желанием немедленно посетить знаменитое заведение.

— Послушайте, Джон, а вы не хотите присоединиться к нам?

Предложение явно польстило Кариджу.

— Я бы с радостью, но... К сожалению, у меня еще много дел до вечернего выступления. Буду ждать вас в клубе. Пожалуйста, приходите. Поверьте, для меня это будет большая честь, честное слово.

Уилл взглянул на Эллисон и, когда та с готовностью кивнула, вновь повернулся к Кариджу:

— Мы непременно придем.

Каридж направился по своим делам, а Эллисон и Уилл миновали отель «Золотой олень», в котором остановились, и свернули на Гетрейдергассе, разглядывая по дороге витрины и обсуждая чудесные красоты Старого города — именно так называлась эта часть Зальцбурга. Позавчера они приехали довольно поздно, но за истекший день успели изучить правый берег реки Зальцах, Макартплац, сады дворца Мирабель и магазины, расположенные вдоль вымощенной булыжником извилистой Линзергассе. Сегодня же им хотелось просто прогуляться. Они нашли на карте «Подвальчик Петера», о котором говорил Каридж, определили маршрут и направились в ту сторону.

Проходя по Резиденцплац, они с восторгом любовались архитектурой дворца архиепископа и Зальц-

бургского собора. Откуда-то доносилась музыка — конечно же Моцарт, ведь этот город был родиной гения. Когда они подошли к ресторану, куранты Глокеншпиль прозвонили восьмичасовую мелодию, но осмотр этих достопримечательностей они отложили на первую половину следующего дня. С тех пор как время суток перестало иметь для Коди значение, дневные часы он тратил на будничные, обыденные дела, а вот вечером для него начиналась настоящая жизнь.

Джон Каридж оказался прав: ресторан был действительно изумительным и превзошел все их ожидания. Они похихикали над именем фантома, Эллисон даже пообещала назвать его при следующей встрече Будом Вайзером*, потом, держась за руки, пересекли внутренний дворик, сводчатые арки которого были вырезаны из цельной горной породы, и сели за столик в кирпичном подвальчике, освещенном множеством оригинальных канделябров. Эллисон с наслаждением полакомилась ароматными клецками и даже убедила Уилла попробовать сырный суп.

По пути в «Урбаникеллер», где в десять часов должно было начаться выступление Кариджа, Эллисон ни на секунду не упускала из виду крепость, немислимой громадой возвышавшуюся над ночным городом. Образ этого потрясающего сооружения, которое можно было отчетливо различить из любой точки города, буквально преследовал Эллисон: замок, словно часовой на посту, неизменно стоял на своем месте и всегда начеку.

* «Bud Weiser» — марка пива.

— Такое ощущение, что даже ночью он словно не сводит глаз с города,— тихо проговорила Эллисон.

— Может, это страж Зальцбурга? — предположил Коди и крепко сжал ее руку.

Они подошли к дверям клуба.

— Может быть... Может быть... — задумчиво откликнулась Эллисон.

«И все же что-то здесь не так...» — подумала она.

*Европейский Союз, Зальцбург, Австрия
6 июня 2000 года, вторник,
11 часов 42 минуты утра*

Уилл и Эллисон позавтракали в ресторане гостиницы. Впрочем, для большинства посетителей уже подошло время ленча. Накануне вечером Джон Каридж выступал в двух отделениях и играл великолепно. Уилл и Эллисон слушали его с удовольствием. А общение с ним во время перерыва, когда Каридж подсел за их столик поболтать и выпить вина, было как глоток свежего воздуха. Его шутки над самим собой чередовались с язвительными остротами. Казалось, об этом городе, ставшем для него родным совсем недавно, он знал абсолютно все. В отель они вернулись довольно поздно, и наутро Эллисон отсыпалась. Коди тоже чувствовал себя несколько разбитым.

Покончив с поздним завтраком, влюбленные отправились осматривать одну из главных достопримечательностей — крепость Гогензальцбург. Специальный трамвайчик отвозил туристов наверх, прямо к

стенам крепости, но Эллисон, опасавшаяся, как бы чрезмерное количество съеденных ею за завтраком оладий не повредило фигуре, настояла на пешей прогулке. Уже на полпути она горько пожалела о своем решении, но возвращаться было поздно, и они продолжали тащиться вверх по крутому склону холма. Сквозь густые ветви разросшихся деревьев проглядывали башни крепости, а ее отвесные стены, вздымаясь на сотни футов ввысь, являли собой как бы естественное продолжение скалы.

В таких случаях Эллисон особенно остро ощущала свою человеческую природу. Как ни старалась она скрывать усталость, пришлось все же пару раз остановиться и передохнуть. Уилл слышал ее тяжелое дыхание и терпеливо ждал, сочувствуя ей всей душой, — сам он совершенно не ощущал утомления.

Только оказавшись перед огромными воротами, они смогли в полной мере оценить грандиозность старинного сооружения.

Подъем продолжался и внутри крепости. Там было множество аллей, тропинок и даже довольно-таки широких улиц, просторный двор, вереница галерей, проходов и других помещений, которые не одно столетие служили, должно быть, приютом для многочисленных солдат. В нескольких залах экспонировалась выставка средневековой живописи и оружия, но Уилла и Эллисон гораздо больше интересовала сама крепость.

Зубчатые стены и башни словно парили в вышине над городом, но при этом не загоразживали собой прекрасную панораму Альп. Пушечные бастионы были изрешечены пулями, и даже в теплый летний день от них тянуло таким холодом, что перехватывало ды-

хание. Строительство крепости началось в 1007 году, но ее достраивали еще на протяжении пяти столетий. Непроступная твердыня стала воплощением героического духа и непрерывного созидания. Именно это более всего потрясло Эллисон, и она преисполнилась почти благоговейного трепета, совсем забыв, что еще недавно не могла без содрогания смотреть на величественное сооружение. Даже Уилл, который бывал здесь неоднократно, в который уже раз невольно испытал восхищение.

— А ведь нам показывают далеко не все, что здесь есть интересного,— заметила Эллисон, привстав на цыпочки и стараясь разглядеть, что находится за металлической решеткой, преградившей им дорогу в один из залов.

Уилл бросил взгляд на пол, размышляя, может ли быть внизу еще один этаж. Вполне вероятно, что запертая на замок железная дверь преграждает путь к скрытым от посторонних глаз лабиринтам. Возможно, блуждание по ним небезопасно для туристов, подумал Уилл, однако люди, обустроивавшие музей, не предусмотрели, что среди посетителей могут быть и фантомы.

— Что же, давай проверим,— сказал он и протянул руку к замку.

*Европейский Союз, Зальцбург, Австрия
6 июня 2000 года, вторник,
2 часа 7 минут пополудни*

Впервые Мэтт и Тамми Монахан оставили своего грудного сына дома. Хотя за ребенком приглядывала мать Тамми, беспокойство за малыша не по-

кидало молодых родителей ни на минуту. И все же они решили во что бы то ни стало отдохнуть от семейных забот и хоть немного повеселиться. К ним присоединились брат Тамми Джордж Эспер и Джек Райс, друг семьи. Приехав в крепость, друзья разделились: Мэтт и Тамми решили побродить по залам и взглянуть на картины, а Джек и Джордж направились к продуваемой всеми ветрами сторожевой башне.

— Сторожевая башня,— сказал Джордж,— как у Дилана*.

Он начал напевать под нос песенку, делая вид, что аккомпанирует себе на воображаемой гитаре, что, впрочем, не составляло для него труда, поскольку Джордж и в самом деле был музыкантом.

— У Хендрикса-то аранжировка получше будет,— тоном, не допускающим возражений, заявил Джек.— У твоего Дилана полная чушь.

— Да пошел ты,— буркнул Джордж.

Он давно привык к подобным выходкам Джека, но так и не научился угадывать, когда тот шутит, а когда говорит вполне серьезно.

Украдкой оглядевшись, приятели убедились в том, что вокруг никого, если не считать пары, остановившейся в нескольких метрах от них, судя по внешнему виду, явно не американцев. Джордж вынул их кармана косячок, прикурил, глубоко затянулся и передал Джеку.

* «All Along the Watchtower» («Вокруг сторожевой башни») — одна из наиболее известных песен знаменитого американского певца Боба Дилана.

— Не попасться бы,— проворчал Джек.— Черт его знает, какие тут у них законы. Ты не в курсе?

— Понятия не имею,— пожал плечами Джордж.— Делай вид, что ничего необычного не происходит, и главное — не привлекай к себе внимания.

Оба постарались вести себя как можно более естественно.

— Слушай, чуть не забыл! — сказал Джек.— Ведь наш Норм собирает коллекцию, всякие старые камни — ну, там, от Берлинской стены или пирамиды какого-нибудь Хеопса. Он попросил, чтоб я привез ему что-нибудь, а ведь этой громадине черт знает сколько лет.

Они принялись искать какой-нибудь подходящий каменный обломок и вскоре заметили, что стены и бойницы в некоторых местах, особенно по краям, залатаны свежим бетоном. Куски бетона валялись повсюду — оставалось только найти среди них кусок побольше.

— Как тебе этот камушек? — спросил Джордж.

— Нет, парень,— ответил Джек, не прерывая своего поиска,— нам нужен фрагмент старой кладки, а не это современное барахло из цемента.

В поисках сувенира для друга они вышли через пустой дверной проем и повернули налево, внимательно глядя под ноги. Пол был выложен необработанным камнем и обломками доломита, и Джек был уверен, что здесь они непременно найдут именно то, что надо, и достаточно просто найти какой-нибудь неплотно сидящий камень кладки, расшатать его, вытащить и прихватить с собой. Он последний раз затянулся и передал косяк Джорджу, а потом носком

ботинка постучал по нескольким камням, выступавшим больше других над поверхностью пола. Наконец один из них, шириной сантиметров пять, подался, и довольно легко.

Тогда Джек принялся долбить по нему каблуком, расшатывая все сильнее, но камень почему-то никак не желал выходить наружу. Возможно, он просто расширялся книзу и на самом деле был крупнее, чем показался на первый взгляд. Но тут парочка, маячившая на сторожевой башне, направилась в их сторону, и друзьям пришлось прерваться на пару минут в ожидании, пока нежелательные свидетели пройдут мимо и скроются за поворотом. Джордж еще два пнул камень, но безуспешно, и тогда его снова сменил Джек. Опершись спиной о стену, он принялся колотить по камню ногой.

Однако после четвертого удара случилось нечто невероятное: Джек исчез. Всего мгновение назад Джордж отчетливо видел его возле стены — и вдруг... тот пропал, как будто прошел сквозь нее.

— Джек, какого дьявола?

Джордж боязливо сделал несколько шагов, но приближаться к стене не рискнул. А откуда неожиданно высунулась рука Джека, и тут только Джордж заметил, что стена стала совершенно другой: она окрасилась в серебристый цвет, поверхность ее стала гладкой, а вокруг руки его спутника, как по воде, побежала рябь. Проклиная все эти чертовы чудеса, Джордж страстно желал только одного: вытащить Джека обратно. Он изо всех сил уперся ногами в неровности каменного пола, обеими руками вцепился в торчавшую из стены руку и потянул ее на себя.

Но Джек лишь чуть-чуть сдвинулся с места. Джордж в ужасе твердил сквозь зубы, что ему плевать на всю эту чертовщину. Казалось, серебристая стена перед ним вовсе никакая не стена, а какое-то отвратительное желе или слой зыбучего песка. Такое впечатление, будто какая-то неведомая сила засосала туда Джека и никак не хочет отпускать. И вдруг откуда-то из-за почти зеркальной поверхности, в которой Джордж даже видел отражение своего лица, из глубин этого зыбучего серебристого песка, крепко удерживающего Джека, все та же неведомая сила рванула Джорджа на себя, пытаясь втолкнуть внутрь стены и его тоже.

Влекомый этой непреодолимой силой, Джордж неуклонно приближался к жуткому участку стены. Ноги его скользили по каменному полу, как по льду. Он хотел было отпустить руку друга, но вместо этого вцепился в нее еще крепче. Разжать пальцы никак не удавалось, и кто-то неведомый тянул его все ближе и ближе к дьявольскому отверстию в стене. И тут Джорджа вдруг осенило; благодаря какому-то шестому чувству он сообразил, что надо делать, чтобы не попасть туда, куда только что засосало его приятеля. Жуткое отверстие было не очень большим, а стена вокруг него оставалась, как и прежде, твердой. По крайней мере, она производила такое впечатление.

В самое последнее мгновение Джордж быстро сел и задрал обе ноги, спеша во что бы то ни стало упереться ими в камень по обе стороны от дыры. Руку Джека он, однако, и не думал отпускать и, увлекаемый вперед, расцарапал о неровности пола всю зад-